
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Вера Галиндабаева

ИДЕОЛОГИЯ РАСШИРЕННОГО МАТЕРИНСТВА: ЗАБОТА О ДЕТЯХ СЕЛЬСКИХ МИГРАНТОК В БУРЯТИИ

Статья посвящена проблеме совмещения материнства и профессиональных обязанностей сельских мигранток, жительниц республики Бурятия. Дается обзор статистической информации, которая показывает значительное изменение условий миграции после 1990-х гг. Рассматриваются российские и зарубежные исследования женской миграции, на основе которых выводится гипотеза о формировании особых практик материнства на расстоянии. Описаны результаты исследования, основу которого составил анализ 65 интервью с мигрантками. Анализ полученных данных подтверждает гипотезу исследования, однако, также позволяет внести ряд поправок для национальных регионов. Сельско-городская миграция женщин, как и транснациональная, ведет к изменениям практик материнства. Матери пытаются выстраивать отношения со своими детьми на расстоянии. Важную роль в практике удаленного родительства играет мобильная телефония, позволяющая общаться ежедневно. Материальная поддержка детей также становится значимой практикой материнства. Материнство на расстоянии в Бурятии не стигматизируется, а вписывается в идеологию расширенного материнства, которая воспроизводится в бурятских семьях в силу культурных и исторических факторов. Следуя этой идеологии, сельские мигрантки легитимно делегируют воспитание детей женщинам старшего поколения расширенной семьи или рода.

Ключевые слова: сельско-городская миграция, забота, материнство

Вера Валериевна Галиндабаева – аспирант, Институт социологии РАН (Москва), Россия. Электронная почта: vgalindabaeva@gmail.com

В советский период миграция не только мужчин, но и женщин трудоспособного возраста из села в город стала одним из главных источников рабочей силы для предприятий. Сформировался контракт «работающей матери», при котором женщина занята полный рабочий день и одновременно несет ответственность за ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, что характерно для большинства индустриальных стран, которые рассматривали женщин как главный резерв рабочей силы (Hughes 1977; Hays 1996). В советском государстве материнство не рассматривалось как единственное призвание женщины (Черняева 2004). СССР поддерживал контракт «работающей матери», санкционируя создание социальной инфраструктуры при предприятиях и ведомствах: общежития, поликлиники, ясли, детские сады, санатории (Бараулина 2002). Полные семьи с детьми и одинокие матери, которые переехали из села и не могли рассчитывать на поддержку расширенной семьи, пользовались институциональной заботой.

В постсоветское время село-городская миграция сокращается, хотя рыночная трансформация сельского хозяйства и вызвала новую волну мигрантов. В первое пореформенное десятилетие объемы производства республики снизились на 55 %, сельского хозяйства – на 46 % (Цыдыпова 2001). Основной причиной женской безработицы, которая в 1996 г. достигла пикового значения в 27,3 %, было сокращение производства (Дашиева 2009: 78). В 2000 гг. ситуация в сельском хозяйстве кардинально не изменилась: уровень безработицы в сельской местности сегодня составляет до 33 % трудоспособного населения; в группе трудоспособного сельского населения 20–29 лет колеблется в районе 49 %, 30–39 лет – 17–39 %, 40–49 лет – 20–25 % (Бурятстат 2008). В целом женщины составляют 70 % от всех безработных (Базарова 2005: 209).

Последнее десятилетие миграционный прирост населения Улан-Удэ, единственного крупного города республики, остается положительным, в то время, как миграционный прирост сельских районов и небольших городов стабильно отрицательный (Бурятстат 2013b: 19). Исследования «нахаловок», неформальных поселений Улан-Удэ, в которых проживают в основном приезжие из села, демонстрируют, что статистика не учитывает это население, и официальные цифры миграции занижены (Карбаинов 2007). В это же время происходит и сокращение социальной инфраструктуры при ведомствах и предприятиях в городе (Гурко 2008; Галиндабаева 2010). Организации сегодня ориентированы на мужскую модель работника, который выполняет в семье роль кормильца и не несет ответственность за воспитание детей, поэтому рабочие часы постоянно увеличиваются, а график теряет гибкость. Сочетание занятости и воспитания детей остается трудной задачей для большинства женщин, проживающих в городе (Савинская 2011; Чернова, Шпаковская 2010). Если обратиться, например, к ситуации с детскими садами в Бурятии, то она мало чем отличается от общероссийской. В Улан-Удэ в 2010 г. на очереди в сад стояло 4 тыс. детей (Галиндабаева 2010), а в 2014 г. –

уже более 7 тыс. (Олзоева 2014а). Стоимость пребывания ребенка в частном детском саду не ниже десяти тысяч рублей в месяц (Олзоева 2014б).

Таким образом, в советский период женщинам, переехавшим из села в город, были доступны услуги ведомственных детских садов и другие социальные программы, которые позволяли сочетать полную занятость на городских предприятиях с материнством. В постсоветский период у сельских мигранток нет такой поддержки ни со стороны государства, ни со стороны предприятия. Несмотря на значительные изменения условий миграции, женщины трудоспособного возраста составляют половину трудовых мигрантов в Бурятии (Бурятстат 2013б) и многие из них, как показывает наше исследование, имеют детей. В сложившихся условиях важным для сельских мигрантов становится не только вопрос занятости, но и вопрос организации заботы о своих детях.

Материнство и миграция: обзор исследований

Вопрос о семейных отношениях сельских мигранток остается за пределами внимания российских авторов. Миграция из села в город получила большое внимание со стороны отечественных исследователей в советский период (Заславская, Рывкина 1974; Заславская 1969). Отдельные исследования миграции женщин появились в 1990 гг., но они касаются в первую очередь транснациональной миграции между странами бывшего СССР (Зотова 2007; Хушкадамова 2010; Бредникова, Ткач 2010; Мукомель, Кеяну-Андрей 2013; Рочева 2014). Миграция внутри страны рассматривается с точки зрения эффективного распределения трудовых ресурсов между регионами, как и в советский период (Мкртчян 2010). Внимание также уделяется адаптации сельских мигрантов из национальных регионов в больших городах (Дробижева 2005; Карбаинов 2007; Алексеева 2010). Мы рассмотрим как сельские мигрантки решают проблему воспитания детей в условиях, когда услуги городских ДОУ не доступны вследствие сокращения государственного финансирования, а услуги няни – по причине дороговизны. Как показывают исследования, забота о детях представляет собой гендерно маркированный труд, так как тесно связывается с материнством.

Материнство является социальным конструктом, в рамках которого исследователи выделяют идеологию и практики. Идеологический или дискурсивный уровень указывает на то, какой должна быть «хорошая мать» и как она должна воспитывать ребенка (Гурко 2008: 101–105). В России доминирует представление о том, что женщина должна совмещать работу и воспитание детей (Чернова, Шпаковская 2010), а сознательный отказ от рождения детей или отказ от своих детей рассматривается как отклонение от нормы (Исупова 2002).

Материнство как практика включает в себя заботу физическую и эмоциональную. До последнего времени заботу традиционно воспринимали

как естественную потребность женщин, рутинизированную в частной сфере (Fine 2005: 247–248), которая связывается с эмоциональными отношениями между заботящимся и получающим заботу, и поэтому рассматривается как «естественная» склонность, а не в качестве труда, требующего усилий и времени (Здравомыслова и др. 2009: 14). Материнская забота – это система ценностей, интеллектуальные способности и решения, которые принимает женщина в процессе ухода за своими детьми. Мать должна находиться рядом со своим ребенком постоянно (Ruddick 1980: 346–349).

Миграция женщин ведет к разрыву между идеологией и практикой материнства (Levitt, Jaworsky 2007). По причине невозможности забрать с собой детей или чаще их навещать, они не видятся годами. Детей обычно оставляют на попечение бабушек. Исследователи отмечают, что такие ситуации влекут за собой значительные изменения практик материнства (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Marocvasic 1984; Parrenas 2005).

Основная гипотеза исследования: необходимость воспитывать детей на расстоянии способствуют появлению практик, которые противоречат идеологии материнства, свойственной индустриальным обществам (Illanes 2010: 206). Женщины решают это противоречие через переосмысление материнства и формирование новых практик поддержания отношений на расстоянии, которые в рамках господствующей идеологии стигматизируются (Толстокорова 2013: 149). Матери испытывают чувство вины за отсутствие в период взросления детей и рассматривают миграцию как жертву, которую им пришлось принести ради их будущего (Hondagneu-Sotelo, Avila 1997; Voccagni 2012).

В целом анализ полученных данных подтверждает гипотезу исследования, однако, вносит и ряд поправок для национальных регионов. Мы рассматриваем бурятские сельские семьи, в которых матери, оставив детей дошкольного возраста на попечение бабушек и дедушек или других родственников, переехали в город в поисках работы. Мы проанализируем практики материнства на расстоянии, которые складываются в семьях мигрантов, и проверим гипотезу, формулируемую на основе исследования транснациональной женской миграции.

Для сбора данных использовался метод лейтмотивного интервью и анализ документов. Исследование проводилось в селах с преимущественно бурятским населением. Было интервьюировано 65 женщин в возрасте от 21 до 87 лет: 25 женщин (до 35 лет), представительницы среднего поколения, постоянно проживают в городе; 40 женщин, представительницы старшего поколения (от 45 лет и старше), живущие в сельской местности, воспитывающие внуков.

Идеология и практика расширенного материнства

Редко встречались матери, которые рассказывая о решении оставить детей бабушке и дедушке, оценивали сложившуюся ситуацию как проб-

лемную, говорили о том, как им трудно жить в разлуке с детьми. Остальные не поднимали тему вины перед детьми. Одна информантка вернулась в родное село, чтобы воспитывать дочь. Интервью проводилось полгода спустя, после её возвращения. На тот момент она еще не нашла работу:

Я захотела домой приехать. По дочери соскучилась, уже всё, не могу, не хочу, у меня уже вообще желаний не было, хочу, говорю, домой ехать. А там одна просто целыми днями работаешь, только коллеги и всё, а она все же здесь (женщина, 33 года, дочери 4 года).

Через год она в своем селе устроилась в почтовое отделение, где зарплата в три раза ниже той, которую она получала в городе.

Большая часть информанток не рассматривает вынужденную разлуку с детьми как жертву. Необходимо отметить, что мигрантки рожали детей в городе, а через некоторое время перевозили к бабушкам. Главная причина заключалась в невозможности совмещать заботу о детях и работу. Появление внуков рассматривается как важное событие, которое требует особого участия женщин всех поколений, особенно старшего. Одна информантка забрала на воспитание первого внука своего старшего сына. Бабушка подчеркнула, что воспитывала его до школы и повела в первый класс.

С одной стороны, спокойное отношение матерей к разлуке с детьми можно объяснить эффектом миграции. Матери, с которыми проводились интервью, проживали отдельно от своих детей на протяжении от трех до шести лет. Многие оставили детей в возрасте от четырех месяцев до полутора лет на попечение бабушек и дедушек. Некоторые исследователи считают, что физическое отсутствие в семье негативно влияет на качество эмоциональных отношений матери и ребенка (Толстокорова 2013: 151). С другой стороны, исследования показывают, что не только экономическое положение семьи и физическое соприкосновение оказывают влияние на отношения матери-мигрантки и её детей. Важным аспектом являются и этнические особенности (Collins 2000: 184). Если обратиться к трудам этнографов и культурологов, занимающихся историей бурят, видно, что в больших патриархальных семьях начала XX в. господствовала идеология расширенного материнства: дети одного рода воспринимались как общие и в их воспитании участвовали все женщины и мужчины. Эта культурная особенность отразилась и в языковой практике: мужчин поколения отца дети называли не «дядя» (как принято в русской семье), а «папа», то же самое и в отношениях с женщинами поколения матери, бабушки и дедушки (Скрынникова 2010).

Дети занимали в семье центральное положение, которое диктовалось не только грядущими материальными выгодами, но и моральными: за девочку семья получала калым, а сын заботился о загробном мире своих предков (Петри 1925: 13). Буряты передавали детей на воспитание и усыновление своим бездетным сородичам достаточно часто (Басаева 1991;

Humphrey 1998). В рамках идеологии расширенного материнства усыновление/удочерение детей родственниками не рассматривалось как отказ от ребенка, и не стигматизировалось, а, наоборот, поощрялось.

В советский период, как показывают интервью с представителями старшего поколения семей, наблюдается воспроизводство исторически укоренившихся практик и идей материнства, которые позволяют легитимно делегировать воспитание детей членам расширенной семьи и рода. Женщины старшего поколения также сталкивались со сложностями сочетания работы и материнства. Матери в то время могли использовать и комбинировать разные ресурсы в организации заботы о своих детях, но предпочитали делегировать воспитание детей членам расширенной семьи и рода. Почти все женщины старшего поколения подчеркивали, что своих детей они не воспитывали, поскольку не могли совмещать работу и воспитание детей. Жители села обязаны были работать в колхозном хозяйстве:

В колхозе работала в шестьдесят девятом году, когда родился самый старший, сразу после это ягнят принимала, молодые все, колхоз, все же работали в то время. Кто молодые – всех сразу на работу, а беременность – какое там полтора года? Быстро на работу, месяц прошёл, всё. ... без работы-то как сейчас круглый год никогда не были (женщина, 59 лет, трое взрослых детей, три внука).

Декретный отпуск в разные периоды варьировался от 48 до 71 дня, после которого женщина была обязана выйти на работу в колхозное хозяйство.

Делегирование заботы о детях женщинам старшего поколения и в советский период рассматривалось как легитимное решение дефицита материнской заботы, который возникал в результате трудностей совмещения материнства и профессиональных обязанностей. Роль бабушки или прабабушки в воспитании детей дошкольного возраста была очень важной. Однако не только члены расширенной семьи брали на воспитание детей, но и представители рода. Нередко семьи с небольшим достатком отдавали на воспитание своих детей богатым родственникам (Humphrey 1998).

Таким образом, идеология расширенного материнства воспроизводится в бурятских семьях достаточно давно и связана с историческим развитием родовых отношений в бурятском обществе. Однако необходимо отметить, что советская модернизация, с одной стороны, оказала значительное влияние на семейную организацию бурят, с другой стороны, укрепила те традиционные представления и практики, которые помогали семьям адаптироваться к новым реалиям. В современных условиях сельско-городской миграции происходит укрепление родственно-земляческих сетей поддержки и в том числе, такой идеологии и практики заботы о детях как расширенное материнство. Однако матери поддерживают отношения со своими детьми на расстоянии. Исследователи называют такую практику – родительство на расстоянии.

Родительство на расстоянии

Физическое отсутствие и невозможность осуществлять непосредственно заботу о детях матери-мигрантки стараются компенсировать другими практиками заботы. Многие информанты рассматривают материальное обеспечение детей и материальную и денежную помощь родителям как свой вклад в воспитание детей. Мигранты высылают посылки с одеждой, игрушками и другими товарами, которые не доступны в селах или продаются по завышенным ценам. Почти во всех домах, где проводились интервью, были компьютеры, которые матери приобрели в кредит для своих детей.

Пожилые родители получают денежные переводы, которые они могут потратить на содержание хозяйства. Дело в том, что многие мигранты не могут приезжать в село в августе, когда все домохозяйства заняты заготовкой сена для крупного рогатого скота. Заготовка сена на зиму является самым важным сельскохозяйственным мероприятием в летний период, который определяет выживаемость хозяйства зимой и весной. Многие родители получают помощь от взрослых детей в денежной форме. Посылки с продуктами из города обычно отправляют через своих земляков, которые работают на автобусных маршрутах между городом и районом (Галиндабаева 2014).

Мобильная телефония является способом поддерживать контакт с родными и детьми на расстоянии. Статистика по использованию мобильных телефонов показывает, что на одно сельское домохозяйство приходится 2,5 телефона (Показатели... 2013: 48–52). Незрелость средств транспортного сообщения затрудняет коммуникацию между родственниками. Однако с распространением современных средств связи (сотовая связь, Интернет) поддерживать межпоколенные отношения на расстоянии стало значительно легче:

Сейчас мобильный телефон, что, раз и все. Раньше-то тяжело было, когда домашний телефон. Один раз в месяц пойдешь на телефонные переговоры: алле, алле, покричишь и все (женщина, 33 года, дочери 5 лет).

Главным недостатком коммуникации на расстоянии родители считают то, что она не может заменить заботу, которую ожидают дети. Слова другой информантки подтверждают тезис о том, что ежедневная коммуникация на расстоянии и материальное обеспечение, рассматривается детьми и их родителями как неэффективная замена ежедневного присутствия матери.

Некоторые исследователи говорят об усложнении отношений между родителями-мигрантами и их детьми в период подросткового взросления последних. Однако то, как формируются качественно другие отношения между детьми и их родителями можно увидеть, пока дети не достигли школьного возраста. По словам информантки, ребенок долгое время не называл ее мамой и пытался найти себе родителей среди односельчан:

Когда он маленький-то бегал, у меня одноклассник приходил несколько раз, играл с ним в игрушки, он у него был папой. Пол-улицы папой было. Пол-улицы мамой были (женщина, 25 лет, сыну 7 лет).

Авторитет родителей в отношениях на расстоянии намного уступает авторитету бабушки или дедушки. Информанты связывают такое распределение власти в семье не только с тем, что бабушки непосредственно воспитывают детей, но и с тем, что бабушки воспитывают внуков совсем не так, как своих детей:

Дедка же он не может с ним справиться, запретить ему что-нибудь. Махнет рукой, а, пусть так и будет. Так оно типа и должно быть. То же самое, когда я увидела, что ребенок сидит за компьютером, играет и жрет одновременно. Это же его дед приучил... Дедка говорит, что он бурхан [«бог» в переводе с бурятского], ему все можно (женщина, 25 лет, сыну 4 года).

Мобильная телефония, облегчая коммуникацию родителей и детей, способствует формированию семейного пространства на расстоянии. В то же время, как показывает исследование, коммуникация на расстоянии не так эффективна в поддержании отношений. Материнство на расстоянии формирует качественно иные отношения между детьми и родителями.

Мы проанализировали идеологию и практики материнства, которыми руководствуются сельские мигрантки в организации заботы о детях, оставленных на попечение расширенной семьи в сельской местности. Гипотеза исследования подтвердилась только частично. Сельско-городская миграция женщин, как и транснациональная, ведет к изменениям практик материнства. Матери пытаются выстраивать отношения со своими детьми на расстоянии. Важную роль в практике такого родительства играет мобильная телефония, позволяющая общаться ежедневно. Материальная поддержка детей также становится значимой практикой материнства. Однако в Бурятии материнство на расстоянии не стигматизируется, а вписывается в идеологию расширенного материнства, которая воспроизводится в семьях в силу культурных и исторических причин. Следуя идеологии расширенного материнства, сельские мигрантки делегируют непосредственное воспитание своих детей женщинам старшего поколения расширенной семьи или рода.

Список источников

Алексеева М. С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2010. 13 (4): 128–135.

- Базарова Ж. С. Основные тенденции развития рынка труда в Республике Бурятия // В. А. Ткалич (ред.) *Вестник II межвузовской конференции молодых ученых. Сборник научных трудов*. СПб.: СПбГУ ИТМО, 2005: 205–213.
- Бараулина Т. Моральное материнство и воспроизводство женского опыта // Е. Здравомыслова, А. Темкина (ред.) *В поисках сексуальности*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002: 366–405.
- Басаева К. Д. *Брак и семья у агинских бурят*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1991.
- Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2010. (3): 72–95.
- Бурятстат*. Бурятия в цифрах: кр. стат. сб. № 01–01–13. Улан-Удэ: Бурятстат, 2007.
- Бурятстат*. Бурятия-2013. Статистический ежегодник 01–01–12. Улан-Удэ: Бурятстат, 2013а.
- Бурятстат*. Миграция населения Республики Бурятия. Статистический сборник. Улан-Удэ: Бурятстат, 2013б.
- Бурятстат*. Показатели, характеризующие жилищные условия, обеспеченность предметами длительного пользования обследуемых домашних хозяйств. Статистический сборник 04–02–08. Улан-Удэ: Бурятстат, 2013с.
- Бурятстат*. Сельское хозяйство Республики Бурятия. Статистический сборник № 10–07–19. Улан-Удэ: Бурятстат, 2008.
- Галиндабаева В. В. Институты и их роль в снижении неопределенности на рынке услуг по уходу за детьми // *Экономическая социология*. 2010. 11 (5): 108–122.
- Галиндабаева В. В. Трудовые мигрантки: межпоколенческие отношения в семьях сельских мигрантов в Бурятии // *Вестник Томского государственного университета. Серия философия, социология, политология*. 2014. 1 (25): 31–41.
- Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
- Дашиева А. Д. Женщины в сфере занятости и на рынке труда: некоторые итоги экономических реформ 1990-х гг. // *Вестник Бурятского университета*. 2009. (7): 77–81.
- Дробижева Л. М. Завоевания демократии и этносоциальные проблемы России // *Общественные науки и современность*. 2005. (2): 16–28.
- Заславская Т. И. (ред.) *Миграция сельского населения*. Новосибирск: «Наука», 1969.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (ред.) *Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов*. Новосибирск: Наука, 1974.
- Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.) *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: ЕУСПб, 2009.
- Зотова Н. А. Женщины – трудовые мигрантки из Таджикистана (старшая возрастная группа) // *Вестник Евразии*. 2007. (2): 72–88.
- Карбаинов Н. И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // *Социологические исследования*. 2007. (11): 136–139.
- Мкртчян Н. В. Внутренняя миграция: великое прошлое и скромное будущее, 2010 // <http://demoscope.ru/weekly/2010/0431/analit01.php> (дата обращения 01.10.2014).
- Мукомель В., Кеяну-Андрей Д. *Молдаване в Российской Федерации: социально-экономический профиль и вызовы на уровне политик*. Кишинев: MOM, 2013.
- Олзоева Т. РБ – в числе отстающих регионов по обеспечению детсадами, 29.08.2014 // <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-266262/> (дата обращения: 01.10.2014а).

- Олзоева Т. В. Улан-Удэ родители вышли на митинг за доступность детсадов, 23.06.2014 // <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-233879/> (дата обращения: 01.10.2014б).
- Петри Б. Э. Внутривидовые отношения у северных бурят. 1925 // *Известия биолого-географического научно-исследовательского института при ИГУ*. 1925. 2 (1): 1–71.
- Рочева А. «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. (3): 367–380.
- Савинская О. В. Забота о детях работающих москвичек // *Социологические исследования*. 2011. (1): 137–142.
- Скрынникова Т. Д. Функции рода у бурят (конец XIX–XX века) // *Новый исторический вестник: Спец. вып. Сибирские чтения в РГГУ-2010*. 2010. 4 (26): 11–18.
- Толстокорова А. В. Любовь по телефону: роль мобильной телефонии в транснациональном материнстве украинских мигранток // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. 16 (4): 142–158.
- Хушкадамова Х. О. Женское лицо миграции // *Социологические исследования*. 2010. (5): 99–104.
- Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2010. (3): 19–43.
- Черняева Н. Производство матерей в Советской России: учебники по уходу за детьми эпохи индустриализации // *Гендерные исследования*. 2004. (12): 120–138.
- Boccagni P. Practising Motherhood at a Distance: Retention and Loss in Ecuadorian Transnational Families // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2012. 38 (2): 261–277.
- Collins P. H. *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*. New York: Routledge, 2000.
- Fine M. Individualization, Risk and the Body: Sociology and Care // *Journal of Sociology*. 2005. 41 (3): 247–266.
- Hays S. *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press, 1996.
- Hondagneu-Sotelo H., Avila E. "I'm Here, but I'm There": the Meanings of Latina Transnational Motherhood // *Gender and Society*. 1997. 11 (5): 548–571.
- Hughes G. S. *Mothers in Industry (Work, its Rewards and Discontents)*. New York: Arno Publisher, 1977.
- Humphrey C. *Marx Went Away – but Karl Stayed Behind*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.
- Illanes J. C. Migrant Mothers and Divide Homes: Perceptions of Immigrant Peruvian Women about Motherhood // *Journal of Comparative Family Studies*. 2010. 41 (2): 205–224.
- Levitt P., Jaworsky N. Transnational Migration Studies: Past Developments and Future // *Annual Review of Sociology*. 2007. (33): 129–156.
- Maroevasic M. Birds of Passage are Also Women // *International Migration Review*. 1984. 18 (4): 886–907.
- Parrenas R. S. *Children of Global Migration. Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Ruddick S. Maternal Thinking // *Feminist Studies*. 1980. 6 (2): 342–367.

Vera Galindabaeva

THE IDEOLOGY OF EXTENDED MOTHERHOOD: HOW MIGRANT MOTHERS CARE FOR THEIR CHILDREN IN RURAL BURYATIA

The article examines the experience of rural migrants in Buryatia and their efforts to manage the dual burdens of motherhood and work. This study was based on the analysis of 65 interviews that were conducted in several rural regions of Buryatia, the results of this research provide a fresh picture of what is going on in Russia's national republics. Buryat families stand out by their traditional practices and the concept of extended motherhood. Both the rural-urban as well as the transnational migration flows of women have an effect on the practices of mothering. Mothers try to support relationships with their children at a distance with the help of everyday telephone calls. In Buryatia, however, distance mothering is very rarely stigmatized as such a practice conforms to the concept of extended motherhood traditional found in Buryat families. Within this practice, it is entirely acceptable and legitimate for rural migrant mothers to delegate care of their children to older woman connected to them through the extended family and kinship.

Key words: rural-to-urban migration, care, motherhood

References

- Alekseeva M. S. (2010) Sel'sko-gorodskaya migratsiya i problema samovol'nykh poseleniy v postsovetskoy Buryatii: sotsial'no-ekologicheskiy podkhod [Rural-to-Urban Migration and the Issue of Squatter Settlements in Postsoviet Buryatia: Socio-Economical Research]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 13 (4): 128–135.
- Baraulina T. (2002) Moral'noe materinstvo i vosproizvodstvo zhenskogo opyta [Moral Motherhood and Reproducing of Female Experience]. E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds.) *V poiskakh seksual'nosti* [In the Search of Sexuality], St. Petersburg: Dmitriy Bulanin: 366–405.
- Basaeva K. D. (1991) *Brak i sem'ya u aginskikh buryat* [Marriage and Family of Aginsky Buryat], Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Bazarova Zh.S. (2005) Osnovnye tendentsii razvitiya rynka truda v Respublike Buryatiya [Main Tendencies of Labor Market Development in the Republic of Buryatia]. V. A. Tkalich (ed.) *Vestnik II mezhvuzovskoy konferentsii molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov* [Bulletin II of Conference of Young Scholars. Collection of Academic Works], St. Petersburg: SPbGU ITMO: 205–213.
- Boccagni P. (2012) Practising Motherhood at a Distance: Retention and Loss in Ecuadorian Transnational Families. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 38 (2): 261–277.

Vera V. Galindabaeva – Doctoral Student, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences (IS RAS), Moscow, Russian Federation. Email: vgalindabaeva@gmail.com

- Brednikova O. Tkach O. (2010) Dom dlya nomady [What Home Means to the Nomad]. *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research], (3): 72–95.
- Buryatstat* (2007) Buryatiya v tsifrakh: kr. stat. sb. № 01–01–13 [Buryatia in Numbers. Statistical Annual № 01–01–13], Ulan-Ude: Buryatstat.
- Buryatstat* (2008) Sel'skoe khozyaystvo Respubliki Buryatiya. Statisticheskii sbornik 10–07–19 [Agricultural Industry of the Republic of Buryatia. Statistical Annual 10–07–19], Ulan-Ude: Buryatstat.
- Buryatstat* (2013a) Buryatiya-2013. Statisticheskii ezhegodnik 01–01–12 [Buryatia-2013. Statistical Annual 01–01–12], Ulan-Ude: Buryatstat.
- Buryatstat* (2013b) Migratsiya naseleniya Respubliki Buryatiya. Statisticheskii sbornik [Migration of Population in the Republic of Buryatia. Statistical Annual], Ulan-Ude: Buryatstat.
- Buryatstat* (2013c) Pokazateli, kharakterizuyushchie zhilishchnye usloviya, obespechenost' predmetami dlitel'nogo pol'zovaniya obsleduemykh domashnikh khozyaystv. Statisticheskii sbornik 04–02–08 [Data Showing Living Arrangements, Provision with Durable Items in Examined Households. Statistical Annual 04–02–08], Ulan-Ude: Buryatstat.
- Chernyaeva N. (2004) Proizvodstvo materey v Sovetskoj Rossii: uchebniki po ukhodu za det'mi epokhi industrializatsii [Producing of Mothers in Soviet Russia: Books on Child-Care of the Industrialization Epoch]. *Gendernye issledovaniya* [Gender Studies], (12): 120–138
- Collins P. H. (2000) *Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment*, New York: Routledge.
- Dashieva A. D. (2009) Zhenshchiny v sfere zanyatosti i na rynke truda: nekotorye itogi ekonomicheskikh reform 1990-kh gg. [Women in the Sphere of Employment and on Labor Market: Some Results of Economic Reforms]. *Vestnik Buryatskogo universiteta* [Bulletin of Buryat university], (7): 77–81.
- Drobizheva L. M. (2005) Zavoevaniya demokratii i etnosotsial'nye problemy Rossii [Achievements of Democracy and Ethno-Social Problems of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], (2): 16–28.
- Fine M. (2005) Individualization, Risk and the Body: Sociology and Care. *Journal of Sociology*, 41 (3): 247–266.
- Galindabaeva V. V. (2010) Instituty i ikh rol' v snizhenii neopredelennosti na rynke uslug po ukhodu za det'mi [Institutions and its Role in Uncertainty Reduction on the Market of Child-Care Services]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology], 11(5): 108–122.
- Galindabaeva V. V. (2014) Trudovye migrantki: mezhpokolencheskie otnosheniya v sem'yakh sel'skikh migrantov v Buryatii [Labor Migrant Women: Intergenerational Relationships in the Families of Rural Migrants in Buryatia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya filosofiya, sotsiologiya, politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy, Sociology and Political Science Series], 1 (25): 31–41.
- Gurko T. A. (2008) *Brak i roditel'stvo v Rossii* [Marriage and Parenthood in Russia], Moscow: IS RAN.
- Hays S. (1996) *The Cultural Contradictions of Motherhood*, New Haven: Yale University Press.
- Hondagneu-Sotelo H., Avila E. (1997) "I'm Here, but I'm There": the Meanings of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*. 11 (5): 548–571.

- Hughes G. S. (1977) *Mothers in Industry (Work, its Rewards and Discontents)*, New York: Arno Publisher.
- Humphrey C. (1998) *Marx Went Away – but Karl Stayed Behind*, Michigan: The University of Michigan Press.
- Illanes J. C. (2010) Migrant Mothers and Divide Homes: Perceptions of Immigrant Peruvian Women about Motherhood. *Journal of Comparative Family Studies*, 41 (2): 205–224.
- Karbainov N. I. (2007) "Nakhalovki" Ulan-Ude: "ogorazhivanie" prigorodnoy zemli ["Nahalovki" of Ulan-Ude: "Enclosing" of Suburban Land]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Research], (11): 136–139.
- Khushkadamova Kh. O. (2010) Zhenskoe litso migratsii [Female Face of Migration]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (5): 99–104.
- Levitt P. Jaworsky N. (2007) Transnational Migration Studies: Past Developments and Future. *Annual Review of Sociology*, (33): 129–156.
- Marocvasic M. (1984) Birds of Passage are Also Women. *International Migration Review*, 18 (4): 886–907.
- Mkrtchyan N. V. (2010) *Vnutrennyaya migratsiya: velikoe proshloe i skromnoe budushchee* [Inner Migration: Great Past and Unpretentious Future], Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0431/analit01.php> (accessed 1 October 2014).
- Mukomel' V., Keyanu-Andrey D. (2013) *Moldavane v Rossiyskoy Federatsii: sotsial'no-ekonomicheskii profil' i vyzovy na urovne politik* [Moldova People in Russian Federation: Social and Economical Profile and Challenges on the Political Level], Kishinev: MOM.
- Olzoeva T. (2014a) RB – v chisle otstayushchikh regionov po obespecheniyu detsadami 29.08.2014 [RB – in the list of ... Regions on Day Child-Care]. Available at: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-266262/> (accessed 1 October 2014).
- Olzoeva T. (2014b) V Ulan-Ude roditeli vyshli na miting za dostupnost' detsadov 23.06.2014 [In Ulan-Ude Parents Had Meeting on the Issue of Day Child-Care Accessibility 23.06.2014]. Available at: <http://gazetarb.ru/news/section-society/detail-233879/> (accessed 1 October 2014).
- Parrenas R. S. (2005) *Children of Global Migration. Transnational Families and Gendered Woes*, Stanford: Stanford University Press.
- Petri B. E. (1925) Vnutrirodovye otnosheniya u severnykh buryat [Kinship Relations of Northern Buryats]. *Izv. Biol. – geogr. nauch. issled. in-ta pri IgU* [Bulletin of Biological and Geographical Research Institute of Irkutsk University], 2 (1): 1–71.
- Rocheva A. (2014) "Ponaekhali tut" v roddomakh Rossii: issledovanie rezhima stratifikatsionnogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve ["A Swarm of Migrants in Our Maternity Clinics!": the Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Studies], (3): 367–380.
- Rotkirkh A. Temkina A. (2002) Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiya v sovremennoy Rossii [Soviet Gender Contracts and its Transformation in Contemporary Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (11): 4–15.
- Ruddick S. (1980) Maternal Thinking. *Feminist Studies*, 6 (2): 342–367.
- Savinskaya O. V. (2011) Zabota o detyakh rabotayushchikh moskvichek [Care about Children of Working Moscow Women]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], (1): 137–142.

Shpakovskaya L. Chernova Z. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisaniya i praktiki v sovremennoy Rossii [Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia]. *Laboratorium*, (3): 19–43.

Skrynnikova T. D. (2010) Funktsii roda u buryat (konets XIX–XX veka) [Functions of Buryat Kinship (End of XIX–XX)]. *Novyy istoricheskiy vestnik: Spets.vyp. Sibirskie chteniya v RGGU-2010* [New Historical Bulletin: Special Issue. Siberian Readings in RGGU-2010], 4 (26): 11–18.

Tolstokorova A. V. (2013) Lyubov' po telefonu: rol' mobil'noy telefonii v transnatsional'nom materinstve ukrainiskikh migrantok [Telephone Love: the Role of Mobile Phones in Transnational Motherhood of Ukrainian Migrants]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 16 (4): 142–158.

Zaslavskaya T. I. (eds.) (1969) *Migratsiya sel'skogo naseleniya* [Migration of Rural Population], Novosibirsk: Nauka.

Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. (eds.) (1974) *Metodologicheskie problemy sotsiologicheskogo issledovaniya mobil'nosti trudovykh resursov* [Methodological Problems of Sociological Research of Labor Recourses Mobility], Novosibirsk: Nauka.

Zdravomyslova E. Rotkirkh A., Temkina A. (eds.) (2009) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernye issledovaniya povsednevnosti* [New Living in Contemporary Russia: Gender Studies of Everyday Life], Saint Petersburg: EUSPb.

Zotova N. A. (2007) Zhenshchiny – trudovye migrantki iz Tadzhikistana (starshaya vozrastnaya gruppy) [Women – Labor Migrants from Tajikistan]. *Vestnik Evrazii* [Acta Eurasic], (2): 72–88.